

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК ОБЩЕСТВЕННОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

VIII ГОД

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 7 ДЕКАБРЯ 1952 г.

№ 49 (340)

ЗА ЧТО БОРОЛИСЬ?

В тридцатых годах, когда череда «показательных» и тайных судебных процессов против бывших виднейших деятелей большевистской партии, Октябрьского переворота, гражданской войны и первого десятилетия советского режима потрясала партию, а за ней и всю страну, в Московском университете учился один студент, отношение которого ко всему происходящему было очень своеобразным.

Было ему в те годы ровно столько лет, чтобы воспоминания его о революционных событиях 1917 года были первыми его детскими воспоминаниями, теми, что запечатлеваются на всю жизнь. У каждого по своему, но одинаково ярко.

Он видел крушение той жизни, в которую он только что вступал, видел кровь, огонь, убийства и грабежи. Видел и возненавидел. В силу тех или иных причин, как и полагается, возненавидел одну борющуюся сторону и стал душой за другую. В данном случае ребёнок с первых дней сознательной жизни стал контрреволюционером.

Может быть, из нарочитой оппозиции к установившемуся режиму, он стал яростным церковником, монархистом, короче говоря, «реакционером-реставратором». Уловив дух времени, однако, он сумел пройти школу, поработать на заводе, поступить в университет и даже вёл общественную работу, выбирая максимально интересные и полезные для окружающих людей её виды. От «осовечивания» же, где бы он его ни увидел, увиливал мастерски. Так, когда его спрашивали о Маяковском, он отвечал: «Это, как говорят, вершина нашей литературы, я до него ещё не дошёл, усвоил, вот, Пушкина, а теперь сижу за Достоевским».

Но в дружеских кругах, какие образовывались обычно в студенческой среде в течение первого же года совместной жизни и учёбы, он был предельно откровенен, иногда даже, может быть, и беспредельно...

И вот, когда начались процессы и расправы над бывшими вождями и героями, а теперь псами и свиньями, и когда пошли, по сему поводу, митинги и собрания «гнева и протеста возмущённых масс», этот человек вдруг стал проявлять изумительную активность. Он требовал «растоптать гадов и втоптать прах их в землю», клеймил подсудимых «первыми негодьями и изменниками» и т. п., в полном соответствии с лексиконом советской риторики.

А в дружеской среде он добавил: «Давно пора. Жаль, что до революции они не передумали друг друга. Жнут то, что посеяли. За что боролись, на то и напоролись!»

«За что боролись?» Этот вопрос мучительно сверлил головы многих идейных коммунистов в Советской России в те годы сталинского террора. Пока «ежовы рукавицы» давили партийную верхушку, пока «у холопов не трещали чубы» по всей стране, злорадство было не редким явлением в самих широких кругах. Но когда добрались и до простых обывателей, когда всем стало ясно, что змея диктатуры лишь сужала удушающее кольцо, сужала круг палачей до тирана и его опричников, люди поняли, что ждать чего-либо хорошего никому не приходится, и задумались над этим вопросом в общенародном объёме.

Марксистская доктрина и коммунистическое движение во всём мире ныне вновь стали перед таким же испытанием. Когда Сланский, Клементис и иже с ними в «культурной» Чехословакии с поразительной точностью повторяют шаблонные самообвинения, что они бандиты, изменники, шпионы, диверсанты, негодяи от рождения, а может быть, и раньше, позволительно спросить их, если бы это было возможно, разве они не знали, что они ткнут? Разве в марксистско-коммунистической паутине не должны погибнуть, в первую очередь, они сами? Разве они не поняли уроков шаблонных процессов в СССР? Разве судьба Зиновьева, Бухарина, Тухачевского, Ягоды и других ничему их не научила? Каковы же тогда их умственные способности?!

Дело не в том, что Готвальд вешает Сланского. Сланский мог судить ползающего Готвальда и повесить его. Но когда коммунисты любой страны изучают марксизм, эту доктрину аморального активизма, проповедующую насилие и диктатуру, разве не знают они, что больше шансов быть «теми, которых вешают», чем «теми, которые вешают», ибо в развитии диктатуры круг первых расширяется, а круг вторых сужается?

И разве ныне весь мир, включая коммунистов в свободных странах, не понял ещё, что самоистребление (переходящее во всеобщий террор) — не есть «особенность русских коммунистов»? Что процесс Райка в Венгрии и Костова в Болгарии — не последние в «странах народной демократии»? Что Гомулко в Польше и Анна Паукер в Румынии — на очереди к виселице?

Пусть знают коммунисты всего мира (как последовательные марксисты), что они борются за аморальный террор. Пусть же не рассчитывают они на благополучный исход — к тому мало шансов. «Поднявший меч от меча и погибнет».

А. Артемов

Не в силе Бог, а в правде.

Александр Невский

Помогайте делу революции!

Путь к свободе —

Национальная Революция!

Несем Тиранам Смерть!

Несем Трудящимся Свободу!

ПО СТРАНЕ

«УДАРНЫЕ БРИГАДЫ» И МИР

В 6 часов вечера 2 декабря в Колонном зале Дома союзов открылась «4-ая всесоюзная конференция сторонников мира». Ей предшествовала предварительная тренировка делегатов (пленум Комитета защиты мира под председательством Пудовкина, местные пленумы по республикам и областям). Сопутствуют ей — устраиваемые под руководством «ударных бригад» в ряде других стран съезды конференции и прочие инсценировки агрессивного миролюбия. Всё это является в свою очередь — подготовкой к открывающемуся 12. 12 в Вене «Конгрессу народов в защиту мира», руководимому Компартией ОС и потому выдаваемому за «беспартийное мировое движение».

Конференция открылась в атмосфере усиленной антиамериканской газетной кампании (см. передовицы «Правды» от 29. 11. 2. 12, или подвал в № 329 «Отравленное детство» — о воспитании детей в США): людей стараются напугать «американскими военными приготовлениями». В противовес выставляется речь Сталина на XIX съезде, якобы — «великая программа борьбы за мир». Известно, однако, что в этой речи диктатор циничски хвастался успехами подрывной для дела мира работы «ударных бригад» и провокационно обещал им поддержку. Вряд ли поэтому способно кого-либо обмануть пропагандно-стратегическое миролюбие «центральной ударной бригады». Только в ликвидации этого очага подлинной угрозы миру — залог избежания новой губительной войны.

ХЛОПОТЫ С КОМСОМОЛОМ

По стране начинают проводиться отчетно-выборные собрания комсомольских организаций. Назначение кампании: чистка и усиление контроля за молодежью со стороны «старшего брата» — партии. «Коммунистическое воспитание молодежи в духе беззаветной преданности партии», — пишет «Правда» в передовице от 1. 12. — главная задача.

С этой «преданностью», судя по многим отрывочным корреспонденциям в обеих «Правдах», из рук вон плохо.

Вряд ли поможет рекомендуемое

усиление «изучения основ марксизма-ленинизма». С этим изучением у «старшего брата», должного обеспечить надзор, у самого не клеится. В № 29 «Крокодила» помещен рисунок: партийный интеллигент с манжетами сидит в позе «убоявшегося премудрости» над книгой, на которой только из цензурных соображений не написано «История ВКП(б)».

Подпись:

«Как быстро время летит! Не успел перевернуть страницу — год пролетел».

В год по странице! Где уж тут внушить интерес «сыновьям» к печатным основам партийного мракобесия!

ПРОТИВ ДОНОСЧИКОВ

Форсирование доноительства, провозглашенное вечно дрожащими за власть захватчиками на XIX съезде под флагом «низовой самокритики», — вызывает весьма ожесточенное сопротивление со стороны самих «аппаратчиков» и населения на местах. О «зажиге самокритики» — случаях пренебрежения доносами — пишет непрерывно партийная печать. Более того: доносчиков преследуют и избивают. Так, по сообщению «Правды» № 28, в колхозе им. Куйбышева Сагар-Чангинского района был избит селькор Сапаргельдыев; в Марийском районе Туркменской ССР подвергались преследованию за доносы селькоры Шамиев и Бабаев.

Как известно, в советской действительности понятие: селькор, рабкор и доносчик часто совпадают: корреспонденция-донос — всегда «дело доблести», особенно любезное сердцу верховных партийных держиморд. «Селькоры, знаете ли, хитрые — оправдывается один из «зажимщиков», — они знают, что сейчас в печати поднята шумиха по поводу критики и самокритики, и...»

—И доносят. Но получают отпор. Мораль и практика павликоморовщины никак не усваивается советским населением.

«Сейчас некоторые селькоры и рабкоры снизили активность, иные вовсе перестали выступать в печати видя, что... не встречают поддержки», — пишет «Правда». — И заканчивает требованием «повести беспощадную борьбу, как со злейшими врагами партии, с теми, кто препятствует... деятельности

Сегодня в номере

В. Браган — Концентрация коммунистической власти ♦ В Мерцалов — Закрепощенное хозяйство ♦ М. Слободской — Тайные союзники ♦ А. Капкин — За бамбуковым занавесом